

ГЕНРИХ БЁЛЬ

В поисках читателя

РАССКАЗ

Перевод с немецкого И. ЗИЛЬБЕРМАНА

У моего друга своеобразная профессия: не стесняясь, он решил именовать себя писателем на том лишь основании, что ему удалось приобрести некоторые навыки в расстановке знаков препинания и усвоить, хотя и не очень твердо, несколько синтаксических правил, и теперь он целыми днями стучит на машинке, заполняя страницу за страницей литературными упражнениями, а когда страниц набирается достаточно пухлая пачка, он важно называет ее рукописью.

Этой чахлой травой, произрастающей на ниве культуры, он питался много лет, пока не отыскался наконец издатель, напечатавший его книгу. После этого лексикон моего друга пополнился новыми словами: гранки, лицензия, корректура, гонорар и некоторые другие; он произносил их с опасным воодушевлением, они целиком заполнили его мысли, и так находившиеся к тому времени в некотором смятении, поскольку жена его ждала первого ребенка. Однако вскоре после выхода книги я застал его в глубоко подавленном состоянии, и то, что он рассказал мне, было действительно печально: за полгода издательство разослало на рецензию бесплатно 350 экземпляров, получило несколько одобрительных отзывов, 13 экземпляров было продано, после чего в активе моего друга оказалось 5 марок 46 пфеннигов. При таких темпах продажи книги он смело мог рассчитывать на то, что взятый в издательстве аванс в размере 800 марок будет погашен в течение ближайших 150 лет.

Я посоветовал ему написать вторую книгу; по выходе она была тепло встречена специалистами, более 400 бесплатных экземпляров послали на рецензию и за полгода продали 29. Предложение написать третью книгу мой друг воспринял как насмешку и, обидевшись, отверг.

Между тем он вошел в историю литературы, и книга, которую написали о нем, разошлась гораздо быстрее, чем его собственные произведения.

Мы не встречались почти полгода. Однажды он снова зашел ко мне и покаялся, что начал писать третью книгу. Я посоветовал напечатать ее на гектографе тиражом 30—50 экземпляров и разослать в

книжные магазины. Но запах типографской краски явно вскружил ему голову, кроме того, он уже успел взять в издательстве аванс, на подходе был второй ребенок, и мой друг утверждал, что не может принять на себя ответственность за рост безработицы среди наборщиков, упаковщиков и печатников (он всегда отличался большой чуткостью в социальных вопросах).

Тем временем его литературная деятельность оказалась в поле зрения доброй сотни критиков, вследствие чего было продано более 90 экземпляров его первых двух книжек. Однако в его переписке с критиками, издателями и известными литераторами, принимавшей все больший размах, полностью отсутствовали письма читателей, и мой друг признался мне, что он жаждет услышать голос публики. Вместе с издателем он предпринял акцию, названную ими «В поисках читателя». Во все книжные магазины были посланы письма, содержавшие настоятельную просьбу брать на строгий учет каждого, кто купит книгу моего друга, и немедленно сообщать об этом издательству с тем, чтобы автор мог наконец установить личный контакт с читателями.

Успех этого мероприятия не заставил себя долго ждать. Спустя четыре недели после начала кампании на севере страны был обнаружен человек, купивший в магазине книгу моего друга. Владелец книжного магазина немедленно телеграфировал в издательство: «Появился покупатель, как быть?» До получения ответа он постарался задержать посетителя, завязал с ним беседу, велел подать кофе и сигареты; покупатель был крайне удивлен, но покорился без сопротивления. К тому времени от издателя поступила ответная «молния»: «Покупателя направьте ко мне, все расходы оплачу». К счастью, было время каникул, и покупатель, оказавшийся школьным учителем, не возражал против бесплатной поездки на юг Германии. Он немедленно отправился в путь, в тот же день прибыл в Эссен, переночевал в лучшей гостинице, на следующее утро заказал обильный завтрак и двинулся далее вдоль берегов прекрасного Рейна через Кёльн, Бонн и Кобленц в Майнц. Будучи натурой художественного склада, он пришел в восторг от Майнца, остался в нем на ночь и лишь в середине следующего дня с удовольствием продолжил свое путешествие. Особенно сильное впечатление произвели на него горы, которые он видел впервые, хотя позднее он признался моему другу, что они вызвали в нем ощущение беспокойства и тревоги. В четыре часа пополудни он добрался наконец до цели, взял на вокзале такси и прибыл в издательство, где за чашкой кофе с пирожными в оживленной беседе с очаровательной супругой издателя очень приятно провел время. Затем его снабдили новой суммой денег и свезли на вокзал, откуда в комфортабельном вагоне второго класса он проследовал в тихий городок, где мой друг отдавался служению музам.

У него уже давно появился на свет второй ребенок. Жена моего друга в этот вечер ушла в кино — развлечение, которое при всей ограниченности средств может время от времени позволить себе жена писателя, — и покупатель застал супруга в ту минуту, когда он подогревал детям молоко к ужину и мурлыкал для их успокоения песенку, в которой довольно часто повторялось не слишком оригинальное словечко «дерьмо». Мой друг восторженно приветствовал гостя, сунул ему в руки кофейную мельницу и быстро покончил со своими родительскими обязанностями. Закипела вода для кофе, и можно было начать беседу. Но оба были крайне застенчивы и долго в молчаливом удивлении рассматривали друг друга, пока наконец мой друг не воскликнул:

— Вы гений, законченный гений!

— Что вы, — мягко отвечал тот, — я полагаю, гений — это вы!

— Ошибаетесь, — возразил мой друг и налил кофе. — Отличительный признак гения — его редкость, а вы — подлинная редкость среди людей!

Гость попытался почтительно возражать, но встретил решительное сопротивление.

— Да, да, — сказал мой друг, — нетрудно написать книгу, судя по тому, как это делают; суший пустяк — найти издателя, но купить книгу — вот, на мой взгляд, поступок истинно гениальный! Прошу вас, берите молоко и сахар.

Гость положил в кофе сахар, подлил молока, после чего вытащил из правого внутреннего кармана пальто книгу, купленную на севере Германии, и попросил автограф.

— При одном условии, — твердо сказал мой друг, — только при условии, что вы в свою очередь поставите свой автограф на страницах моей рукописи.

Он снял с полки толстую папку, вытащил оттуда связку исписанных листов, положил перед посетителем и умоляющим голосом произнес:

— Доставьте же мне эту радость!

Гость растерянно вытащил ручку и дрожащей рукой вывел на последней странице: «С искренним уважением — Гюнтер Шлегель».

Но полминуты спустя, пока мой друг еще просушивал чернила перед раскрытой дверцей горящего камина, гость вытащил, на этот раз из левого внутреннего кармана пальто, толстую рукопись и попросил рекомендовать издательству написанный им роман, являющийся, по его мнению, ценным вкладом в современную художественную литературу.

Мой друг говорил мне, что он был глубоко разочарован, на несколько минут лишился дара речи и с чувством большой душевной горечи думал о сидевшем перед ним человеке. Длительное время они пребывали в молчании, затем мой друг тихо сказал:

— Прошу, очень прошу вас, не делайте этого, вы потеряете присущую вам оригинальность.

Гость упрямо молчал, судорожно обхватив свою рукопись обеими руками.

— Подумайте только, — продолжал мой друг, — никто не даст вам больше денег на дорогу, не предложит вкусный, тающий во рту пирог. Жена издателя встретит вас с кислой миной на лице. Исходя из ваших же интересов, умоляю — оставьте эти мысли!

Но гость лишь озлобленно покачал головой, а мой друг, буруемый горячим желанием спасти человека, решился на крайнюю меру и предъявил все издательские счета, к которым, однако, Шлегель не проявил ни малейшего интереса.

На данном эпизоде мой друг обычно заканчивал рассказ. Я полагаю, они тогда крупно поспорили, потому что в этом месте мой друг прерывал повествование и мрачно сжимал кулаки, бормоча себе под нос что-то невнятное. Мне удалось лишь узнать, что Шлегель наспех простился и отбыл, оставив свою рукопись на столике, за которым пил кофе.

Роман Шлегеля «Горе тебе, Пенелопа!» привлек внимание специалистов. Шлегель покинул поприще педагогики, расставшись таким образом с настоящей профессией и посвятив себя другой, о которой я до сих пор думаю, что она таковой не является.

